

«СЕВЕРНЫЙ ВИТЯЗЬ»

ПОВЕСТЬ О ТОМ, ЧТО И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН, ЕСЛИ
ЕСТЬ СИЛА В РУКАХ ДА ГОЛОВА НА ПЛЕЧАХ

Подвиги древних славян

Александр Тамоников

Северный витязь

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Северный витязь / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2020 — (Подвиги древних славян)

ISBN 978-5-04-108297-0

Пришло время богатырю Илье Ивановичу встать на защиту земли Русской под началом киевского князя Владимира. Опасен путь в столицу, всюду отряды степняков и шайки разбойников. Но Илью голыми руками не возьмешь. Где силой, а где мужицкой смекалкой одолевает он встречающих врагов. А под стенами Киева уже лютуют половецкие орды, жгут посады, требуют сдать город. Чтобы выиграть время и собрать сильную дружину, князь Владимир отдает в заложники своего сына Святослава. Многие понимают – на верную смерть. И вот все готово к решающей битве. Выручить молодого князя из половецкого плена вызывается Илья. Только не знает богатырь, что ждет его за это не награда, а новое суровое испытание...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108297-0

© Тамоников А. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Александрович Тамоников

Северный витязь

© Тамоников А. А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Пролог

– Не тебе ли я молился, Господи? Не я ли на коленях перед тобой стоял и слезы лил?

Крупный мужик с косматой гривой черных с проседью волос стоял на коленях и бил кулаками в деревянный пол с такой силой, что икона в красном углу стала съезжать, лампадка под ней закачалась и замигала. Упал на пол один из вышитых нарядных рушников, которыми был украшен киот.

– Что ты, Тимофей! – бросились к неутешному вдовцу от дверей несколько баб. – Окстись! Ты бога-то не гнева!

Они громким шепотом увещевали хозяина дома и, истово крестясь, косились на покойницу, лежавшую прибранной на столе. Унять Тимофея, первого силача во всем Карачарове, было непросто. Они пытались уговорить его, плакали, мол, женушку уже не вернуть, но ведь и дальше жить надо, малолетнего Ивана поднимать. Но мужик в очередной раз упал грудью на пол, пудовыми кулачищами ударил об пол, и полетела вниз икона, ударилась углом и легла прямо перед лицом Тимофея. Все замерли, как онемели. И только Тимофей смотрел на это знамение безумными от горя глазами.

Вскочив на ноги, он кинулся в дальнюю комнату, лязгнув в темноте железом и выбежал назад, держа в руках обнаженный меч, который уже почитай лет десять не брал в руки.

Ужаснулись соседи и родичи, пришедшие с покойницей попрощаться, отшатнулись кто к двери, кто к окнам. Видать, совсем Тимоша от горя умом тронулся. А Тимофей вдруг подскочил к иконе и совершил такое страшное, что многие с криками бросились вон из избы. Взмахнув мечом, он разрубил икону на две части. Разлетелись куски в разные стороны. Одна – под ноги соседям у двери, а вторая под стол, на котором лежала покойная жена.

Долго не могло успокоиться село Карачарово. Ползли слухи один страшнее другого. Кто-то говорил, что будто бы слышали трубный глас архангельский, кто-то видел, что на миг солнце потемнело и в красный цвет окрасилось. Но больше всего шептались у плетней да у колодцев старухи, что местная ведунья Февронья предрекла проклятье, которое падет на весь Тимофеев род по мужской линии. Что за такое богохульство Господь не даст во многих поколениях здорового мужского потомства. Будут теперь в этом доме бабы рожать убогих да больных.

Тимофей сидел на свежей могилке жены, постаревший, сморщившийся, как будто и не он это уже, а старец с припорошенной снегом головой. Он разглаживал холмик подсохшей земли, выбирал и отбрасывал в сторону сухие травинки и камешки, тихо разговаривая с покойницей, будто она была рядом.

Он не видел, как от дороги, что тянулась мимо погоста к селу, петляя между могилами шли к нему трое. Худого тщедушного старика с длинной белой бородой вел за руку малец в драных портах и вылинявшей, не по росту рубаше, подпоясанной веревкой. За ними шел угрюмый бородач, детина – косая сажень в плечах, с серой полотняной котомкой за плечами.

– По здоровью ли, Тимофей? – тонким голосом осведомился старик, таращась в пустоту бельмами. – Слышал я, прибрал твою женку Господь.

– Чего тебе? – угрюмо осведомился Тимофей, незаметно смахнув тыльной стороной ладони слезу и поднимаясь на ноги.

– Поговорить, душу твою маятную облегчить. Чего же еще мне хотеть? Калики мы переходим. Ходим, песни поем, бывь да сказки рассказываем, кому послушать охота. Слеп я, света белого не вижу. Бугрим немой: половцы ему язык отрезали, оттого он умом чуток тронулся. Но силушки в нем вдосталь, если кто обидеть странников захочет. Да Матюшка вот, поводырь мой. Славный малец, на гусях учится играть, травы всякие запоминает, хворь лечить уже умеет.

– Нет у меня с собой ничего, старче. Я бы подал вам, чтобы помолились о душе безгрешной, да с пустыми руками на погост пришел.

– Грех на тебе большой, Тимофей, – усаживаясь на траву, покачал сокрушенно головой старец. – Люди говорят, ты икону православную освященную мечом разрубил, на лик святой покусился.

– Не говори ничего, старче! – повысил голос Тимофей. – Без тебя все знаю. Моей душе гореть в огне, ей вину мою мучениями вечными искупать.

– Не о тебе моя кручина, раб божий, – сказал старец, положив подбородок на дорожную клюку. – Проклятье на весь твой род легло, бог накажет тебя через детей твоих, через внуков и правнуков твоих.

Тимофей набычился, угрюмо опустил голову, но смолчал. Не о чем было тут говорить, да и незачем.

– Только ведь не навечно оно на тебя легло, – заявил вдруг старец и поднял вверх коричневый худой палец с кривым ногтем. – Вижу я, Тимофей, вижу наперед, как оно все будет. От роду увечный, обделенный здоровьем вдруг станет на ноги, на боевого коня сядет, возьмет в руки булаву тяжелую и начнет крушить головы поганым и некрещеным, кто на землю русскую придет с черными помыслами. Защитит Русь-матушку, и от того прощение придет, и род ваш от черного проклятия освободится.

– Твоими бы устами, старче, да мед пить, – покачал недоверчиво головой Тимофей. – Было б так, я бы первый сел на коня да к князю Владимирскому отправился. На службу ратную, да и смерть бы в очищение с радостью принял.

– Нет, Тимоша, – грустно и очень ласково сказал старец. – Не то тебе на роду написано. Время тому еще не пришло.

– А когда оно придет, время это? – тихо сказал Тимофей и снова обратил взор на могилку жены. – Кабы и вправду знать, что нам на роду написано, так бы и беду стороной сумел бы обойти.

Он стоял и думал с горечью о словах старца. И снова непослушные – одна, другая – слезы побежали из его глаз. Поморщился Тимофей, пелена глаза застила, смахнул ее снова рукавом и обернулся. И ни старца белобородого, ни поводыря его, ни немого Бугрима не увидел. Как и не было здесь калик. Тимофей перекрестился. А были ли они тут, или привиделось все?

Глава 1

Обоз из нескольких телег тянулся вдоль опушки леса. С десяток молодых половецких воинов, покрикивая и щелкая кнутами, пытались заставить идти быстрее пленных девок и баб с малыми детьми. Кнуты били по спинам и плечам, но уставшие и измученные полонянки не могли идти быстрее. Они лишь тихо плакали, вздрагивая от каждого удара, и ту же затягивали у подбородка грязные платки.

Только одна из девушек не получала ударов плетью. Высокая, черноволосая, с быстрыми черными глазами, она единственная не казалась усталой и понурой. Зло стискивая зубы и поглядывая исподлобья на стражников, она то бросалась поднимать упавшую рядом бабу, то подхватывала на руки дитя, едва не угодившее под копыта половецкого коня.

– Ты мне нравишься, – со смехом бросил проезжавший мимо Асташ, старший из воинов. – Я подарю тебя нашему хану. Будешь у него новой женой.

– Бабоньки, посмотрите, – пропустив мимо ушей слова Асташа, громко сказала черноволосая и показала в сторону небольшого холма.

В лучах поднимающегося над горизонтом солнца там виднелась фигура конного воина. Даже слепившее глаза восходящее солнце не мешало разглядеть, что воин был могуч, а конь его с широкой грудью и сильными ногами был под стать седоку.

Асташ прикусил губу и стал озиаться по сторонам. За те дни, что обоз с добычей двигался к Дону, он много раз посылал посмотреть, не идут ли по следу ратники из русских весей, не появились ли поблизости княжеские дружинники. На их счастье, никаких русичей, никакой погони до сих пор не было.

– Каярат, – позвал Асташ, – возьми двоих да посмотри вблизи на этого конника. И если это только не Мангдышире¹ пришел испугать нас, свяжите его и притащите сюда на аркане. За такого сильного пленника нам много заплатят на любом базаре.

Половцы засмеялись шутке своего предводителя. Набег был удачным, дома их ждут слава и почести. У кого невеста, а у кого-то старые родители ждут возвращения своего воина. И путь уже близится к концу. И этот одинокий всадник, несмотря на свою статью, не казался им таким уж опасным. Наверное, какой-то русский мужик отстал от своих, возвращаясь с заставы. Мужики из ополчения – плохие ратники. Они неуклюжие, медлительные, хотя силушки у них хоть отбавляй. За этого на базаре на берегу Сурожского моря хорошо заплатят.

Каярат с двумя воинами ринулся на незнакомца. Думая захватить его играючи, они даже не стали окружать богатыря.

Асташ махнул рукой, и обоз двинулся дальше. Но тут чернявая полонянка странно вскрикнула и стала показывать в ту сторону, куда ускакали половецкие воины. Измученные бабы остановились, половцы перестали подгонять их плетями и натянули поводья коней.

Один из воинов бросил аркан, но могучего вида всадник легко копьём отбил веревочную петлю и метнул свое оружие в наступавших. Пронзенный копьём половец стал валиться набок, испуганный конь понес его в степь.

Закричавший грозно Каярат занес над русичем саблю, но страшный удар палицы свалил его вместе с конем. Животное с перебитым позвоночником забилося на земле, подминая под себя раненого седока.

Третий воин метнул копьё, но могучий воин отбил его щитом. Бойцы сблизилась, в воздухе сверкнул металл, и половец слетел с коня.

¹ Мангдышире – богатырь с железными руками, слуга верховного божества тюркских народов Тенгри.

Страшно ругаясь и посылая проклятия русскому витязю, только что убившему троих его товарищей, Асташ приказал двоим воинам достать луки, а остальным скакать навстречу этому джаману ² и изрубить его на куски.

Лучники рядом с Асташем натянули тетивы, но тут один из них вскрикнул и выронил лук. По траве покатился камень, только что ударивший его в шею между железной шапкой и кольчугой. Второй лучник обернулся в седле, ища врага, но следующий, умело брошенный камень ударил его в висок.

Разъяренный Асташ увидел, как черноволосая полонянка вкладывает новый камень в скрученную из платка петлю. Пришпорив коня, он вскинул саблю и бросился на нее с яростным криком. Но натянутая бабами длинная веревка, которой они были связаны, попала коню под ноги. От страшного рывка попадали и полонянки, и сам Асташ вылетел из седла и полетел наземь. Не успел он подняться, как новый камень, пущенный твердой рукой, ударил его точно в голову.

Уверенные в своей победе, остальные половцы не видели, что происходит возле обоза. Сильный русич с густой черной бородой скакал им навстречу. Вот одно, потом второе брошенные в него копыта отскочили от круглого щита. Грудью своего коня богатырь опрокинул одного всадника, его палица поднялась и опустилась, нанося страшный удар второму воину. Третий половец занес было саблю, но русская палица, брошенная почти без замаха, проломила кочевнику грудь. Истекая кровью, хлынувшей из рта, всадник застрял ногой в стремях, волочась за конем. Последний воин развернул коня и бросился наутек. Он не видел, как русский достал из колчана лук. Раскрытыми от ужаса глазами степняк смотрел на обоз, возле которого металась лошадь без седоков, а тела Асташа и других воинов безжизненно лежали на траве. Короткий свист, и стрела впилась половцу под левую лопатку, пробив кольчугу.

– Батюшка, спаситель ты наш! – запричитали бабы, падая на колени перед своим освободителем и норовя ухватить его за сапоги.

– Полно вам, девоньки-сестрички, – гулким басом говорил воин, – откуда вы, как попали в полон к поганым?

– Да с разных мы мест, батюшка, кто володимирские, кто из Рязани. На ярмарку ехали. Да налетели косоглазые, побили мужиков наших. А кого еще раньше в полон захватили...

Черноволосая полонянка, расправляя и отряхивая платок, смотрела на богатыря пристально, не сводя глаз, как будто оценивала. Тот поймал ее взгляд, осмотрел крепкую статную фигуру, черные волосы, сплетенные в тугую косу, хмыкнул:

– Не ты ли, красавица, степняков-то побила?

– Не я одна, – ответила девушка, отрывисто и жестко произнося слова.

Воин кивнул одобрительно, сунул руку за пояс и вытащил большой нож с рукоятью из оленьего рога. Не спускаясь с коня, бросил нож девушке.

– Возьми, освободи всех. Потом скиньте с возов все лишнее, ни к чему оно вам. Помогите девонькам коней половецких поймать, да скорее в обратный путь. Старайтесь лесочками да овражками идти, лучше по ночам, чтобы днем с погаными не встретиться. Завтра поутру доберетесь в свои земли, а там уж безопасно.

– Скажи, батюшка, кто же ты таков? – заинтересовались бывшие пленницы. – Имя свое назови, чтобы мы Матерь Божью, заступницу нашу, за тебя молили.

– Ильей меня нарекли. Иванов сын. А родом я из-под Муром, из села Карачарова. Кто там будет, поклонитесь от меня моей матушке Ефросинье Яковлевне и батюшке моему Ивану Тимофеевичу.

² Джаман, яман (др. тюрк). – негодай, плохой человек.

– А куда ж ты теперь путь держишь? – перерезая веревку за веревкой и прикусив от напряжения нижнюю губу, спросила черноволосая. – Или сам не ведаешь? Куда конь ведет, туда и едешь?

– Нет! – Илья покачал головой и сурово свел брови. – Слишком долго я этого ждал, слишком долго рвался русской земле послужить, от врага ее защитить. Одна у меня цель: никакому князю служить не хочу, не по душе мне раздор меж князьями да распри. Одному князю служить хочу, к которому, слыхивал я, все сильные русские витязи ³ собираются. Одна сильная рука должна быть на Руси. Еду я к князю киевскому Владимиру.

Девушка слушала Илью, разглядывая его издавшее виды снаряжение и оружие. От взгляда воина это не ускользнуло, но он промолчал. Да и женщины с детьми накинудись снова благодарить его. Гвалт поднялся, когда стали с возов ненужное сбрасывать, предвкушая дальнюю дорогу домой.

Чернявая снова подошла к Илье, возвращая нож.

– Раненых половцев надо добить, – сказала она. – Если кто из них в себя придет, тот или к своим поскачет, или за своей добычей назад кинется, стрелу вослед пустит.

– Нет, – резко оборвал ее Илья. – Я в честном бою их победил, теперь пусть бог решает их судьбу. Кто выживет, тому суждено, знать. Руку на раненого и беспомощного негоже поднимать. Не по-христиански это. А нож этот себе оставь, дева-воительница. Может сгодиться еще, да и дорога вам дальняя предстоит.

– Я с ними не пойду. У меня иной путь. А может, даже он у нас с тобой один, Муромец. Кто знает.

– О чем ты? Уж не к князю ли Владимиру в Киев собралась? – удивленно спросил Илья. – По какой такой надобности?

Девушка засмеялась и ловко, снизу вверх, распорол подол сарафана. Под сарафаном у нее Илья увидел широкие штаны, какие носили женщины-степнячки. Полонянка ловко вскочила в седло половецкого коня и ударила его под бока кожаными сапожками.

Илья покачал головой. Уж больно необычной казалась ему эта девица. И с врагом расправилась, видать, не впервой ей такое. И сапожки ее, сразу видно, сшиты не русскими мастерами. А еще на запястьях алели ссадины, как будто с них содрали браслеты. Нет, из чужих она земель, другого рода-племени, об этом Илья уже не догадывался – знал точно.

Обоз развернули быстро. Все понимали, чем скорее отсюда уедут, тем быстрее окажутся в безопасности. Появись тут другие половецкие отряды, увидят они следы жестокой расправы, и тогда снова – полон, плети. Половцы могут просто всех убить, предать мученической смерти, известно, степняки – мастера придумывать, как подольше не дать человеку умереть, продлить его муки.

Наконец, телеги скрылись за леском. Илья повернулся к чернявой и с усмешкой посмотрел ей в лицо.

– Кто ты, девица? – спросил он. – Назовись, негоже делить опасность с человеком, когда не знаешь, какого он роду-племени.

– Меня зовут Златыгорка, – ответила девушка, и голос ее вдруг сделался тих и печален. – Ты прав, Илья, я нездешняя. Мой дом и мои родичи далеко отсюда, на берегах Русского моря, у Аратских гор. Я из Амасии ⁴.

³ По мнению большинства ученых, слово «богатырь» пришло на Русь позже и имеет тюркское происхождение. Первое раннее упоминание слова «богатырь» в Никоновской летописи (XVI в.), скорее всего, появилось благодаря более поздним переписываниям текстов. Тогда же появились некоторые разногласия в хронологии. Слово «витязь», по мнению опять же большинства исследователей-филологов, имеет исконно восточнославянское происхождение.

⁴ Историческая область на севере современной Турции. Сейчас провинция и город Амасья. По свидетельствам античных историков, именно там обитали племена амазонок. О них писали Геродот (485–425 гг. до н. э.), Гелланик (485–400 гг. до н. э.), упоминалось в «Повести временных лет» (ок. 1110–1118 гг. н. э.)

– Из Амасии? – удивился Илья. – Приходилось слыхивать про ваше племя.

– Откуда? – Златыгорка вскинула на Илью черные глаза. – Какая весть, добрая или злая донеслась до тебя о моих сестрах?

– Бродят по нашей земле калики перехожие, – вглядываясь в лицо девушки, заговорил Илья. – Увечные или от рождения немощные. Они былины рассказывают, песни поют, вести разносят. Мне один старец поведал, есть, мол, такое женское племя, что испокон веков живет от мужей отдельно и само себя обороняет от зла и насилия.

– Еще что старец тебе поведал? – девушка схватила Илью за руку, стиснула неожиданно сильными пальцами кисть через рукавицу.

– Живет в ваших местах могучий Святогор. Силушку он свою черпает от земли, а рожден он в Анакопийской пропасти, в глубокой пещере. И что она находится на Святой горе. И что предсказано мне из рук Святогора получить оружие, что разит без промаха, и бронь, что защищает от любых стрел, копий и мечей.

– Я знаю Святогора, – прошептала Златыгорка. – И в наших преданиях говорится, что придет из земель северных, из лесов нехоженных витязь с силою нечеловеческой и верой еще более сильной. Я за тобой ехала, Илья Муромец. Стар уже Святогор, не носит его земля.

– Ты веришь в древние легенды? – неожиданно усмехнулся Илья. – Это же сказки, старцы немощные придумывают, чтобы потешить людей да краюшку хлеба в благодарность получить.

– Сказки, говоришь? – девушка вскинула брови. – А ну как правду люди говорят? Что как и не сказки это вовсе? Я Святогора как тебя видела и с ним говорила.

Мала я тогда еще была, только-только на коне научилась держаться. На всем скаку чуть из седла не вылетела, так он меня поддержал и со мной говорил.

Илья усмехнулся в бороду, осторожно высвободил свою руку из пальцев Златыгорки и посмотрел на солнце, которое уже поднялось высоко. Сняв шлем, провел рукой по выющим непослушным волосам, перекрестился и сказал задумчиво:

– Одна ты до дома не доберешься. Далекий путь, да и опасен. С тобой поеду, до порога доведу, а там видно будет. Двинусь в обратную дорогу ко двору князя киевского Владимира. Все не с пустыми руками приеду, вести с пограничных земель привезу, про половцев ему расскажу, о том, как тут неспокойно.

Златыгорка улыбнулась. Хитер Илья Муромец. Прямо не скажет, чтобы не прослыть умом ровно у дитя малого, а свое вперед видит. Тайную цель имеет. Свела их судьба, как предсказано было в старых легендах, только о том Илье пока рано знать.

Лихо наклонившись к самой земле и удерживаясь носком сапожка за стремя, девушка подняла с травы половецкую саблю и осмотрела клинок.

– Буду тебе, Илья, благодарна. И родичи мои, подруги мои тебе благодарны будут не меньше. Едем, коли так решил. Путь впереди долгий.

– Имя у тебя странное, – сказал Илья, видя, как девушка ловко покрутила в воздухе клинком. – Кто ж такое тебе дал?

– Мать дала, – резко бросила девушка через плечо. – У меня отец-то русичем был!

Глава 2

Костер горел неярко, освещая сапожки Златыгорки и заправленные в них порты. Илья отводил глаза, стараясь не разглядывать девушку. Для него это было ново, непривычно – девушка в мужской одежде. Но судить иное племя, чужие обычаи он не хотел. Всякому свое, как говаривали у него дома. Златыгорка сидела, уставившись на огонь, и была похожа на дикого зверька. Она смотрела в одну точку, но слышала все и реагировала на все звуки, что раздавались в ночи.

Илья решил, что девушка ушла в свои мысли, думает о чем-то своем, чего ему не понять. Разные они, сильно разные и друг другу непонятные. Он из села, что раскинулось среди муромских лесов и распаханых на горях полей. Она – из предгорий, с берега огромного моря, из племени, в котором властвуют и сражаются одни только женщины, в котором нет мужчин. Из племени, которое в давние времена было большим и сильным, а теперь от него остались лишь воспоминания. О чем она думала?

– Скажи, Илья, – неожиданно заговорила девушка, – почему ты раньше не пошел к князю Владимиру служить? Ты уже не молод, ты мудр и хитер. Неужели верил, что ваши князья сами помирятся и станут жить в добром соседстве, как в империи, что в давние времена простиралась от моря до моря?

– Нет, все не так, – усмехнулся Илья. – Ты правда хочешь знать? Я тебе расскажу. Я с детства не мог ходить. Не чувствовал ног, не слушались они меня. И тридцать три года от самого моего рождения я просидел сиднем. Руки, вот они, подковы гну, а ногами пошевелить не мог.

– Ты столько лет сидел один? – нисколько не удивилась Златыгорка.

– Почему же один. Батюшка с матушкой у меня есть. Парни и девки забегали часто. Новости рассказывали. Часто помогали мне, выводили из избы на улицу, а уж там я как мог участвовал в играх и забавах. Из лука научился стрелять, копьё бросать, на мечях биться. Онитоднями кто в поле, кто со скотиной, а я вот этими руками железо гнул, думал о судьбинushке своей да о том, что на земле русской происходит.

– Как же ты исцелился?

– Явились ко мне калики перехожие, – пряча улыбку в бороду, продолжал Илья. – Помнишь, я рассказывал тебе о них? Старец слепой, да малец поводырь, да детина безъязыкий, коего Бугримом кличут. Тот старец многое видел, хоть и слеп был. Когда тридцать три года мне исполнилось, он в избу нашу пришел и попросил воды испить. Я сослался на немощь, мол, не могу, добрый человек, милость такую тебе оказать. А он знай свое твердит: встань и подойди к кадке да ковшиком водицы зачерпни. И тут я почувствовал, что смогу, услышал силу свою. Не поверишь, встал! Один шаг, второй. Иду! А как до кадки дошел, так совсем в себя поверил. Зачерпнул воду-то, а старец велит, чтобы я сперва сам испил. Я, как пить-то стал, прямо почувствовал, будто не воду пью, а силушку земли нашей. Так три ковша и выпил.

– И исцелился? – Златыгорка подняла на Илью глаза и посмотрела пристально. То ли верила, то ли нет.

– Онемелость в ногах проходить стала. Не сразу, но начал двигаться. А чтобы вернее ноги свои почувствовать, в поле родительское вышел. Матушка в слезы, батюшка и тот рукавом глаза трет. Уж тут я потешился силушкой своей. Сколько пней последних оставалось, все повывергивал. Ведь, чтобы поле расширить, лес рубить приходилось, пни корчевать. Много еще оставалось. А потом я в селе церквушку поставил. Так мне старец сказал, что это обет мой перед богом за исцеление. Из реки бревна, что топляками называются, вылавливал, в село относил и там из них церквушку и поднял. Осветили, как полагается, до сих пор она там стоит.

В ней я богу молился, благодарил за исцеление, там меня белый голубь и надоумил в Киев идти к князю Владимиру и служить ему верой и правдой за всю русскую землю.

– Ой ли, Илья Иванович! – покачала головой спутница. – Да так ли все было?

– А уж ты сама решай, – засмеялся Илья, – верить мне или нет. Да только про Святогора мне тот же старец поведал. Этот меч да бронь, что на мне, он же подсказал, где взять. Есть у нас недалеко от села пещера одна. Вход в нее завален камнем большим. Старец его называл Алатырь-камень, как будто он и есть начало. Если его отвалить, то в пещере можно найти много оружия. Старое, я долго выбирал. Видать, собирал кто-то не один день. То ли после битвы какой, то ли по другой нужде. А дальше в пещеру старец ходить не велел. Говорил, что можно не вернуться. Никто не знает, куда она ведет. Люди там не живут. Камень этот как будто начало мира и его же конец.

– Рассказывать ты мастер, – засмеялась девушка. – Заслушаешься.

– Так мне в радость! По вечерам, как возле меня в избе детвора собиралась, я им и рассказывал. Что сам придумую, что от стариков услышу, что от матушки с батюшкой о прошлых временах узнаю – все пересказываю, да только переиначиваю, как сам понимаю.

– Потуши костер, Илья, – тихо сказала Златыгорка и медленно вытянула из-под ноги саблю.

– Нет, – качнул в ответ головой Илья. – Они нас видят, пока мы у огня. Сиди, я отойду.

Он тоже услышал приближение трех человек, но все же позже, чем Златыгорка. «Да, трое», – решил Илья. Один ползет со стороны, где кони пасутся. Вот замер. А эти шумят, сильно по траве ногами шаркают. Ветка хрустнула. Вот один остановился, а второй еще крадется.

Слух у девушки тоньше, это Илья признал. И сейчас, когда его спутница сидела ближе к костру, ей лучше было там и оставаться. А Илье удобнее незаметно отойти от света в темноту и обойти незнакомцев. Не случайно они именно подкрадывались, а не шли открыто к огню попросить приюта и тепла.

«Трое», – думал Илья, измеряя мысленно расстояние от лазутчиков до костра. Двое обходят кустами со стороны реки. Третий замер. Лежит в траве между костром и стреноженными конями. Наверное, попытается отрезать путь к отступлению, если мы кинемся в ту сторону. Или тот, кто из нас двоих останется в живых. Худо, если пустят стрелы. На бросок ножа они не подошли, а стрелу бесшумно не пустишь. Заскрипит тетива, в ночи этот звук не услышать трудно. Да и Златыгорка не новичок в бою, по ней это видно. Она не пропустит звук, с каким натягивают тетиву. Она упадет, отпрыгнет в сторону, не даст себя убить. Ей, ежели коснется, лучше всего оставить нападавших по другую сторону костра, а самой уйти по эту сторону. И они будут на свету, перед ней как на ладони.

Чтобы не греметь железом, Илья держал меч зажатым под левой рукой. Так клинок не задевал кусты и камни. Пригибаясь и осторожно двигаясь на полусогнутых ногах, витязь шел в направлении, откуда недавно послышался звук ползущего вооруженного человека.

Златыгорка сидела неподвижно, только рука ее была опущена к лежащей возле ноги сабле.

Двое других, что приближались к костру, этой сабли не видели, а видели только одинокую девушку. «Значит, они не чувствуют опасности», – подумал Илья. И если это просто грабители, то нападут они очень скоро. Только бы не стрела!

Человека, лежавшего между кустами, Илья увидел сразу. Это был коренастый бородач, с большим длинным кинжалом и кистенем. Черный драный кафтан и суконная шапка на голове делали его незаметным на фоне кустов. Но у Ильи был острый глаз, да еще выдавал тата неприятный запах застарелого пота.

Незнакомец вскочил на ноги с завидной легкостью, перехватил кинжал в левую руку клинком вниз. В правой сверкнул металл, звякнула ржавая цепь. Илья встречным ударом меча

отбил кистень в сторону. Но тут же к его лицу взметнулся кинжал, пришлось сделать шаг назад, чтобы лезвие не полоснуло по горлу или груди, на которой сейчас не было кольчуги.

«Эх, на шумели, – со злостью подумал Илья, – ну, ничего, спутница моя не робкого десятка, да и с оружием обучена обращаться не хуже любого ратника. Услышала небось, что тут происходит, наверняка готова отбиться от тех двоих. А я ей помогу. Вот управлюсь с этим и помогу».

Кистень снова мелькнул в темноте, его круглое шипастое било пролетело в двух вершках⁵ от лица Ильи. Пропуская оружие мимо себя, Муромец подцепил его своим клинком, цепь кистеня скользнула по мечу, захлестнулась за перекрестье. Одним рывком Илья выдернул кистень из руки разбойника. Однако противник оказался опытным бойцом. Он тут же кинулся вперед, стараясь нанести удар левой рукой в пах.

Но сократить расстояние разбойнику не удалось. Илья в мгновение ока рубанул мечом наискось вниз и отсек противнику руку вместе с кинжалом. Тать закричал страшным голосом, упал на колени, сжимая кровоточащий обрубок. Илья опрокинул его толчком ноги и пригвоздил мечом к земле.

Только теперь Илья мог повернуть голову и попытаться понять, что происходит у костра. С одним разбойником он разделался, а что с остальными? На фоне затухающего костра метались тени, было непонятно, сражаются там или пляшут. И только звон стали говорил о том, что там идет бой. Илья, еще раз прислушавшись к звукам ночи и убедившись, что других врагов рядом нет, бросился на помощь Златыгорке.

Но девушка в его помощи не нуждалась. Гибкая и быстрая, она напоминала сейчас разъяренную дикую рысь. Златыгорка держала в правой руке саблю, а в левой сжимала ножны, которыми успевала отбивать удары. И держала она оружие не так, как это обычно делают воины. Сабля в правой руке была зажата клинком вниз, к локтю, а ножны она держала, как дубинку, отбивая клинки и нанося удары по рукам.

Нападавших было двое, оба оказались искусными бойцами. Илья понял это сразу по тому, как они старались подойти к своей жертве с двух сторон и напасть одновременно. Но Златыгорка умело двигалась между ними и все время держалась так, что один из противников закрывал от нее другого. Подняв руку перед собой, девушка не отбивала удар меча сверху, она ослабляла его, и клинок врага соскальзывал в сторону. И она сама, приседая на колено, наносила режущий удар в живот, в бедро. Потом отбивала ножами другой удар и снова, как гибкая кошка, ускользала от врагов. А они опять оказывались по одну сторону от своей жертвы.

Уже у одного разбойника рубаха на животе была окрашена кровью, и второй прихрамывал на раненую ногу. Илья покачал головой, не понимая, сколько еще Златыгорка собиралась вести такую схватку. Ведь так саблей противника не убьешь, не рубанешь что есть мочи сверху, не поразишь прямым ударом острия. Но почти сразу Илья понял, что ошибается. Как ошибались и два ночных татя, решивших, что девушка станет для них легкой добычей.

Златыгорка вдруг начала двигаться еще быстрее, сабля с ножнами в ее руках замелькали, как крылья мельницы во время сильного ветра. Удар, еще удар, новый удар, и вот уже она отбила в сторону саблю одного разбойника и, стоя ко второму даже не боком, а почти спиной, резко выбросила руку назад. Сабля вонзилась врагу в живот. Девушка тут же повернулась к нему лицом и провернула клинок в ране, распарывая внутренности.

Второй тать не успел отскочить в сторону, Златыгорка, присев на одной ноге и развернувшись на пятке, подсекла его. Когда тать рухнул на землю, она прыгнула на него сверху и с резким возгласом вонзила саблю под левую ключицу. Разбойник захрипел, схватился руками за клинок и обмяк, уронив голову на траву.

⁵ Русский вершок равен примерно 4,5 см.

– А ты хорошо бьешься, – с уважением покачал головой Илья. – Непривычно смотреть на тебя, много сил тратишь. В схватке надо уметь отбить удар и тут же нанести свой. А так, как ты делаешь, долго не продержаться против врага в бою.

– Их только двое, долгой битвы не было бы, – возразила Златыгорка, опускаясь на колено и старательно вытирая клинок о полу рубахи убитого. – Когда врагов много, я сражаюсь иначе. А эти думали, что смогут меня легко одолеть, думали, что я саблю в руках держу первый раз в жизни.

– Хитростью взяла?

– Уходить нам надо, Илья, – предложила Златыгорка, прислушиваясь и озираясь по сторонам. – Не верится мне, что их только трое. Разбойники обычно большими шайками промышляют. Малым числом ничего не добудешь.

– Твоя правда, – согласился Илья. – Собирайся, а я приведу лошадей.

Когда Илья вернулся, ведя на поводу двух оседланных лошадей и одну выючную, то увидел Златыгорку, обшаривающую одежду убитых. На траве лежала кожаная мошна ⁶, узелок с несколькими золотыми и серебряными украшениями.

– Негоже так поступать честному воину, – сурово сказал он. – Обирать мертвых...

– У нас дальняя дорога, Илья, – резко повернулась к нему девушка. – Мы не доедем до моих краев верхом. Нас обязательно выследят и убьют. Или захватят в полон. И времени такой поход займет много. А это, – она кивнула на траву, – пойдет в уплату купцам, к которым мы попросимся на их струги торговые. Ты ничего не брал, нет на тебе греха, а мой бог меня за это не покарает. И не для себя беру, не разбогатеть помышляю, а лишь для нашего с тобой похода.

– О каком бы ты боге ни говорила, он не одобрит, – начал было Илья, но девушка с усмешкой его перебила:

– Мы спорить будем или в путь двинемся?

Коней свели по деревянному настилу на берег, усыпанный мелкими камушками. Златыгорка взяла своего под уздцы и, поглаживая по голове, долго смотрела на высокие горы, темневшие совсем рядом, вздымавшие свои вершины прямо в синее небо. Илья снова залюбовался величественным и непривычным его глазу зрелищем. Уж сколько дней они плыли вдоль этих берегов, а все не мог он налюбоваться.

Корабль византийцев отплыл от берега, вспенивая веслами воду, потом на нем подняли парус, и он величественно пошел по волнам, чуть покачиваясь и рассекая набегавшую волну резным носом.

Златыгорка сделала несколько шагов от воды и опустилась на колени в прибрежную траву. Илья смотрел на нее, стараясь не мешать. Видно было, что девушка сильно стосковалась по родным местам.

Златыгорка вытянула руки, легла грудью на траву и прижалась к ней щекой.

– Вот ты и дома, – тихо сказал Илья.

– Почти, – поднимаясь с земли, ответила Златыгорка. – До моего дома еще два дня пути, но это уже мой берег, мои горы, моя земля. Когда-то мой народ владел всеми этими степями и прибрежными долинами. Мы воевали со всем миром, и весь мир преклонялся перед мужеством моих сестер. Теперь все иначе. Нас осталось мало, мы разбросаны по свету и только изредка встречаемся. Я и к половцам попала потому, что ехала с посланием к нашим сестрам в таврийские степи.

Весь день они ехали молча. Илья не хотел мешать девушке наслаждаться возвращением. Он понимал, что разлука была не такой уж и долгой, но Златыгорка, наверное, пережила отча-

⁶ Мошна – небольшой мешочек с завязками для хранения денег. На Руси носился на поясе. Отсюда «мошеник» – вор, срезающий мошну с пояса другого человека.

яние и страх никогда больше не возвратиться домой. И вот она снова на родных берегах. Пусть молчит и впитывает запах родины.

А девушка молчала по другой причине. На всех тропах и перевалах, которые вели к селению амазонок, во множестве были установлены ловушки и самострелы, которые должны были защитить племя от чужаков и незваных гостей.

Они проехали уже несколько таких опасных мест, когда путь им преградили три всадницы в полном вооружении. Илья натянул повод и залюбовался воительницами. Высокие, с широкими плечами и тонкими талиями, с сильными бедрами и жгучими карими глазами, девушки были красивы. Но это была иная красота, не такая, как у русских женщин. Эти представлялись орлицами, высматривающими добычу с вершины высокого утеса. И даже кольчуги с прикрепленными на них металлическими пластинами выглядели девичьими нарядами, а колчаны с луками и стрелами за спинами больше напоминали сложенные крылья.

Девушки заговорили на незнакомом языке, но, судя по радостным улыбкам, они узнали Златыгорку. Воительницы почтительно склонили головы, прижимая правую руку к груди.

– Это сторожевая застава, – пояснила Златыгорка, трогая коня. – Дальше не опасно, это уже наша земля. Поехали. Нас ждет моя мать.

На небольшом плато, которое от прибрежной долины отделял обрывистый склон, было зелено от обилия растительности. Под сенью деревьев, которые в большинстве своем напоминали Илье родные сосны и дубы, паслись кони, бегали и играли дети, ходили женщины в коротких туниках, закрепленных узорчатой пряжкой на одном плече. Все оборачивались, здоровались со Златыгоркой вежливым полупоклоном и с интересом смотрели на гостя.

По краям горной долины и чуть выше на склонах Илья видел высокие башни, сложенные из плоских камней. Остальные жилища были каменными невысокими и ютились под деревьями, как показалось Илье, без всякого порядка. Он привык, что в русских селениях дома выстраивались в ряды, между ними проходили улицы, соединявшиеся узкими переулками.

У высокого большого дома в глубине селения путники остановили лошадей. Со ступеней крыльца пробежали несколько девушек и со смехом исчезли за деревьями. Следом вышла высокая женщина более зрелого возраста. Поверх ее туники был наброшен белый шерстяной плащ. Лицо женщины было бледным, глаза блестели нездоровым лихорадочным блеском.

– Дочь моя, – видимо, из уважения к гостю, женщина заговорила с Златыгоркой на его языке. – Ты вернулась. Я не устану благодарить богов за твое спасение. Сойди же с коня, обними меня.

– Мать моя, – Златыгорка выпрыгнула из седла и взбежала на крыльцо. – Нет счастливее мига, чем тот, когда я вижу тебя и могу прижать к своему сердцу.

Женщины обнялись с таким трепетом, с такой неподдельной нежностью, что Илья посчитал нужным отвести взгляд. Однако объятия были недолгими. Он снова услышал голос матери Златыгорки:

– Кто твой спутник? Зачем ты привела его в наше селение?

– Этому человеку я обязана своим спасением. Он помог мне вернуться домой. Нас захватили половцы. Сестры, что были со мной, погибли. Я осталась одна, когда меня схватили. Этот храбрый и могучий русич освободил нас, когда половцы везли добычу на юг. Его зовут Илья Муромец, сын Иванов.

– Илья? – как-то странно переспросила женщина. – Ну что же, Илья-воин, спустись с коня, войди в наш дом, где тебя ждет отдых, сытный ужин и спокойный сон. Спасителю моей дочери будет оказан особый почет.

– Мне почет не нужен, – слезая с коня, ответил Илья с улыбкой. – Хватит и того, что я выберусь отсюда живым, это и будет для меня наградой. Говорят, вы убиваете мужчин, которым случается попасть к вам?

Женщина посмотрела на дочь укоризненно, потом улыбнулась гостю:

– Эти сказки давно ходят по всему миру, представляя нас то кровожадными демоницами, то мужененавистницами. Но все совсем не так. Тебе нечего опасаться, герой.

– Добро пожаловать в мой дом, Илья, – торжественно сказала Златыгорка. – Это моя мать, царица Самсун.

– Так, – Илья поперхнулся и удивленно посмотрел на девушку, – так ты царевна?

– Принцесса. Для твоего слуха было бы непривычно мое полное имя, поэтому ты можешь называть меня так, как и называл – Златыгоркой.

Уже стемнело, в большой комнате зажгли светильники на стенах и на высоких резных деревянных треногах. Илья, чисто вымытый и благоухающий маслами, которыми натерли его усталое тело, лежал на каменной лавке среди подушек и с наслаждением пил виноградное вино. Мясо и фрукты, душистые лепешки из муки – все это насытило его, и теперь глаза воина настойчиво закрывались.

Но Илья старался слушать царицу и из вежливости не показывал, что смертельно хочет спать. А Самсун все рассказывала и рассказывала историю их народа. О великой империи амазонок, не покоренной ни одним завоевателем. О том, как много лет назад жена одного из правителей древних скифов собрала женщин и заявила мужу-повелителю, что они не хотят больше кочевать вместе со скотом, что они хотят жить в домах и мирно растить детей. А уж потом, когда дети вырастут, они готовы отправить их к отцам, если это будут мальчики, или оставить в селении, если это будут девочки.

Суровый царь скифов посмеялся, но согласился. Он был уверен, что через год непокорные сами прискачут к своим мужьям и будут молить их простить и пустить в свой шатер. Но прошли века, женщины научились не только жить без мужчин, они научились самостоятельно вести хозяйство, научились даже обороняться от врагов. Ведь они все же были скифскими женщинами!

– А мужчин мы никогда не ели и не били тех, кого приводили к себе для брачных утех и рождения детей, – смеясь, закончила царица. – Это придумали озлобленные враги, которым мы не покорились. И завистники, которые понимали, что мы построили государство лучше и справедливее, чем у наших мужчин.

– Сон совсем сморил Илью, – подсказала Златыгорка. – Мы должны отпустить нашего гостя поживать. Завтра мы продолжим наш рассказ. Даже такому воину, как Илья Муромец, нужен отдых.

– Я бы хотел, царицы, – Илья вежливо склонил голову и приподнял серебряный кубок с вином, – чтобы вы поскорее отпустили меня в обратный путь. Я никогда не забуду вашего гостеприимства, но путь моей судьбы зовет меня.

– Путь твоей судьбы, Илья Муромец, – царица встала со своего ложа и протянула руку в сторону гостя, – лежит через наши земли и через одно пророчество, которого мы не можем не выполнить. Завтра ты узнаешь все. Будь снисходителен к нам, русич. Я скоро умру, моя дочь займет мое место и будет править нашим народом. Но я не могу умереть, не выполнив до конца написанное в Книге судеб.

Илья с интересом наблюдал, как девушки стреляют из луков. Стреляли пешими, стреляли с коня, стреляли на прямой полет стрелы, стреляли навесом. Илья умел стрелять из лука с детства. Едва ли не самым искусным стрелком был он в Карачарове, на лету птицу бил. Но амазонки стреляли по-другому. Они не целились, выверяя глазом расстояние до цели, силу и направление ветра, не пытались почувствовать упругость тетивы, не ослабла ли. Они умели чувствовать все это разом. И стрела у них срывалась с тетивы в тот миг, когда они видели перед собой цель. Рука с луком еще продолжала движение, а стрела уже мчалась к цели.

Понравилось Илье и то, как девушки обращаются со своим излюбленным оружием – боевым топориком, который имел лезвие не с одной стороны, а с двух. Они называли это оружие сагарис. Амазонки ловко сражались сагарисами и против мечей, и против копий. Они точно метали их на большое расстояние.

– Что это за башни? – спросил Илья, когда они со Златыгоркой вышли на край пастбища, где паслись кони. – Сторожевые? Я видел их, когда мы ехали сюда. И здесь вокруг вашего селения я снова их вижу.

– Это кыз-кала, – ответила Златыгорка. – Иноземцы называют их «девичьими башнями» и придумывают множество кровавых легенд. Что мы там замуравываем провинившихся сестер, что оттуда они бросаются вниз и разбиваются о камни. Или что мы живем в таких башнях. И они не совсем оборонительные. Хотя они строились сотни лет назад именно для защиты. Это маленькие крепости, которые не вызывают опасения у завоевателя. А такие башни много раз спасали наши племена от гибели. Башни строятся там, где есть вода. Внутри такой башни можно спрятать очень много воинов. Там можно приготовить и хранить очень много продуктов. Никто не догадывается, что мы всем селением можем сразу уйти в эти башни и поселок вымрет. Взять их приступом невозможно, вход знаем только мы. В каждой может прятаться и жить до сотни воинов. А ночами мы можем неожиданно выбираться оттуда и убивать врагов, а потом так же неожиданно исчезать. Из этих башен мы можем уйти далеко в горы и исчезнуть навсегда. Если это будет нужно.

– Ты сказала, что мы пришли сюда не зря?

– Да, ты выберешь себе коня. Твой, на котором ты ехал сюда, не очень силен, хотя ты его хорошо обучил. У него слабые бабки, он не так вынослив. Ты все равно сменишь коня через полгода, через год. А лучше, чем у нас, ты в своих степях не найдешь.

– Половецкие кони быстры и выносливы, – возразил Илья. – Арабские скакуны летают как ветер. Я знаю, что за этими горами и за морем в сухих степях и жарких пустынях есть сильные кони, которые зовутся ахал-теке. Им нет равных в долгих скачках.

– Любому другому воину я бы сказала, что он прав, – улыбнулась Златыгорка. – Но ты не другой. Не всякий конь вынесет тебя, не всякий понесет, не всякий выдержит с тобой долгие походы и испытания, не каждый защитит тебя в бою и вывезет раненого или мертвого. Такой конь у Святогора, но он уже стар, а тебе нужен конь молодой, твоей рукой укрощенный, только тебе послушный. Хороший конь должен в жизни иметь лишь одного хозяина.

– Ты все время говоришь мне о Святогоре, – напомнил Илья. – Когда мы к нему поедem?

– Скоро, Илья, очень скоро. Твой конь не выдержит этого путешествия. А с новым конем вы должны стать родными, одной крови, тогда он в бою тебя не подведет.

Илья посмотрел на девушку, потом перевел взгляд на табун, пожевал в задумчивости травинку. Златыгорка была права. Сейчас у него хороший конь, но это всего лишь крестьянский конь, сильный, но привыкший пахать да возить сани. Да, он привык к хозяину, он привык, как Илья управляет им во время схваток. Но настоящего боя конь еще не видел, да и Илья тоже. Прислушаться к принцессе амазонок стоило, здесь понимали в конях. И сейчас Илье нужен был как раз не скакун с тонкими ногами и лебединым изгибом шеи, а конь молодой, сильный, выносливый и умный. Конь с характером, конь-воин. Такой же, как и его хозяин.

На лугу паслось около сотни коней. Не было кобыл с жеребятами, наверное, их держали на другом пастбище. Здесь были только молодые жеребцы. Сильные, красивые, с косматыми гривами. Были вороные, как черная южная ночь, были рыжие и почти белые. Да, здесь много хороших коней, но Илья искал взглядом своего. Не чувствовал он пока ни в одном из тех, что паслись на лугу, силы характера. Да он и сам пока не знал, какой конь ему понравится.

– Ты садись на своего коня, возьми аркан и ближе к табуну подъезжай, – посоветовала Златыгорка. – Осмотришься, объедешь вокруг, сразу все поймешь по тому, как они себя поведут.

– Нет, – возразил Илья. – Тот, который мне нужен, не захочет стать вторым. Он будет только первым или совсем не признает во мне хозяина. Это гордый конь.

И тут он увидел его! Крупный, сильный, с тяжелой головой и черной гривой, вылетел из-за табуна и погнал рыжего жеребца по лугу. Рыжий отчаянно взбрыкивал задними ногами и ржал. Тот, который нападал, был необычной масти. Не рыжий и не вороной, на солнце его шкура отливала искрасна-черноватым цветом, словно огнем. Рыжий умчался в поле, а бурый стоял как вкопанный, тряс головой и ржал, скаля крупные сильные зубы. Потом потряхнул черной гривой, задрал густой длинный хвост и гордо пошел боком вдоль табуна.

– Вот он! – радостно вскрикнул Илья. – Это мой конь!

– Бурый? – опешила Златыгорка. – Илья, это вожак! Это дикий зверь, а не конь. Я не знаю человека, который мог бы с ним совладать.

– Не знаешь? – с жадным восторгом переспросил Илья, сбрасывая зипун и оставаясь в одной рубахе с закатанными рукавами. – Иди вон туда, к дальнему загону. Жди меня там.

Забрав из рук девушки аркан, Илья зашагал к табуну. Златыгорка смотрела и восхищалась странным русичем. Могучий, неукротимый, какой-то по-детски добрый в общении и беспощадный в бою. Это она сама видела не так давно. А как он встревожился, когда Златыгорка забирала добро убитых грабителей. И как он вспылел, когда она предложила добить раненых врагов – половцев!

И вот сейчас он шел, чтобы поймать и приручить самого сильного жеребца в табуне. Он сильный воин, но не знает законов войны, как их знают амазонки, которые уже сотни лет сражаются со всем миром без мужчин, им не на кого надеяться, кроме самих себя.

А Илья? Что движет им? Он был немощным до тридцати трех лет, если, конечно, это не сказка. Не каждый будет рассказывать о своем прошлом, это понятно. И сейчас он очень хочет служить киевскому князю, который норовит объединить все русские княжества под своей сильной рукой. Это желание Ильи – желание зрелого и мудрого мужа. Но все равно он порой ведет себя как большой ребенок. А может в нем просто столько нерастраченной любви к людям, к родной земле? Может, просто так велика в нем сила, которая рвется наружу?

Значит, предсказанное – не сказка? Вот он и пришел, могучий русич, который примет из рук постаревшего Святогора силу всей русской земли. От северных холодных морей до моря южного, моря Русского.

Илья шел прямо на пасшихся коней. Шел уверенно, даже весело. Жеребцы при его приближении стали тревожно трясти головами и поводить ушами. Некоторые начинали бить копытами, но, видя, что человек не пугается и не замедляет шаг, отходили в сторону, удивленно глядя на смельчака большими глазами.

«Где же бурый?» – думал Илья, идя сквозь табун. Кони все расступались и расступались, некоторые, взбрыкнув ногами, уносились прочь, в дальнюю часть пастбища. Илья шел, как будто по большому коридору, и этот коридор все ширился и ширился перед ним.

Но вот коридор из сильных ног и больших конских круп закончился. Прямо перед Ильей в городом одиночестве появился бурый вожак. Косматая грива взмывала вверх, когда он бил копытом и тряс головой. Конь не смотрел на приближающегося человека, но его насто-роженный глаз косил, вращался, показывая белок, бурый храпел и нервно дергал задней ногой, выбивая из земли пучки густой травы.

Илья чувствовал, конь ждет поединка, он будет убегать, он будет биться, он покажет свою силу. А может, он ждет его. Может, этот конь давно ждет своего хозяина? Нет, не хозяина, а друга, с которым он поскачет навстречу славе, навстречу битвам. Власть в табуне – это забава для молодых жеребцов, а он рвется на свободу, в бескрайние степи.

Не сбавляя шага, Илья размотал аркан и бросил петлю вперед. Конь стоял и ждал. Он даже не сделал попытки увернуться. И когда плетеная веревка обхватила его крепкую шею, конь сделал резкий прыжок в сторону. Илья от такого рывка чуть не упал, сделал несколько

шагов, потом уперся ногами в землю, как будто врос в нее, и потянул на себя аркан. Две силы столкнулись: конь и человек, и никто не хотел уступать, каждый хотел показать себя. Конь напряг ноги, изогнул шею, заржал, пытаясь свалить человека, вырвать из его рук веревку. Но и человек уперся ногами в землю, на его теле вздулись страшными буграми мышцы. Сапоги по щиколотки зарылись в рыхлую землю, сдирая каблуками дерн.

Мало-помалу Илья стал перехватывать веревку и тянуть коня к себе. Бурый упирался, дергал шеей, его копыта тоже зарывались в землю. Конь пытался снова резкими скачками вырвать веревку из рук человека. От напряжения и у человека, и у коня глаза налились кровью, они шумно дышали, хрипели, но никто не уступал. Илья стал тянуть бурого в сторону загона, где ждала и напряженно наблюдала за схваткой Златыгорка.

Она видела, как Илья упорно влечет коня к загону. Было странно, что вожак упирается, пытается пересилить человека, но не пытается ускакать. Было в этой схватке что-то колдовское. Не человек и конь сейчас силой мерились, а две воли столкнулись на этом горном пастбище. Они силились понять, стоит им дружить, брататься или они недостойны друг друга. Златыгорка чувствовала, что и сама она уже устала, что, глядя на Илью, и у нее напрягаются мышцы.

Вот человек коснулся спиной прясел загона, вот он уже прошел между двумя рядами ограды. Девушка толкнула рукой жерди, и узкий загон закрылся.

Конь стоял между двумя рядами жердей, храпя, вздуваясь боками, бешено поводя глазами. Илья подошел к нему спереди, пальцами разжал зубы и протолкнул веревку, как удила, между зубов. Конь дернул головой, но человек уже запрыгнул ему на спину, потянул веревку, поворачивая голову коня то в одну, то в другую сторону. Так он показывал бурому, что будет от него требовать, как управлять им. Златыгорка, восхищенная и завороженная этим зрелищем, подбежала и отбросила жерди с другой стороны загона.

Илья не успел ударить коня пятками под бока, как тот одним скачком выбросил свое сильное тело из загона. Но человек удержался, изо всех сил натягивая повод. Бурый стал скакать и прыгать, взбрыкивая задними ногами выше головы, пытаясь сбросить человека. Он понимался на дыбы, делал несколько скачков на задних ногах, наклонял голову и снова взбрыкивал.

Когда конь понял, что человека ему не сбросить, он ринулся на открытое пространство и понесся по пастбищу как ветер.

Златыгорка не успела и глазом моргнуть, как Илья верхом на буре превратился в маленькую точку за бугром у самого леса. Девушка только чувствовала, как гудит земля от топота могучих копыт бурого. Она стояла и смотрела, прикладывая к глазам ладонь. Потом сидела на жердях загона и кусала губы, но Ильи по-прежнему не было видно. И когда ей стало совсем невмогуту и она готова была броситься искать сброшенного наземь русича, у кромки леса показался всадник.

Конь больше не метался под Илей из стороны в сторону, не взбрыкивал ногами. Он мчался как ветер, его косматая грива и хвост развевались по ветру. Илья, пригнувшись к шее коня, слился с ним воедино. Они мчались, две неумных соединившихся силищи.

У самого загона Илья осадил бурого, и тот послушно замедлил свой бег. Ноздри коня раздувались, бока вздымались, дыхание было под стать порыву морского ветра.

Илья с довольной улыбкой легко спрыгнул с коня, продолжая крепко держать его в поводу. Конь стоял рядом, но в его виде не было покорности. Он признал в человеке равного себе.

– Я буду звать его Буркой, – пророкотал Илья, потрепав коня по шее. – Другом мне будет и в бою, и в дальнем походе, и на отдыхе, если доведется.

– Нужно на него надеть настоящую узду, – посоветовала восхищенная Златыгорка. – Ты надеть должен. Веди его к нашему дому, я подарю тебе узду и седло.

...Несколько дней Илья укрощал коня. По совету девушки он больше не водил его на общее пастбище, где пасся табун. Теперь конь стоял в загоне возле дома царицы Самсун. И каждый день на рассвете Илья выходил, разговаривал с конем, похлопывая его по шее и угощая солеными лепешками. Конь слушал человека внимательно, косил хитрым глазом и тыкался мордой в его руки, требуя нового угощения.

А потом Илья седлал коня и они уезжали в горы. Русич не боялся заблудиться. Хороший конь должен был найти дорогу назад сам. И находил. Изю дня в день Илья гонял Бурку по горам, через глубокие ущелья, по горным тропам. Или спускался на берег моря и носился там по воде, через прибрежный кустарник.

Златыгорка часто видела, как Илья и его конь играют на свободе, как два больших ребенка. Они догоняли друг друга, уворачивались от толчков. Или не уворачивались, и тогда Илья летел наземь, а конь несильно ударял его боком. Илья вскакивал на ноги и догонял Бурку. И тот позволял себя догнать. Позволял обхватить себя за шею и повалить в траву. Да так, чтобы всеми четырьмя копытами взбрыкнуть в воздухе, к общему их с человеком восторгу.

А еще она слышала, как по вечерам при свете факелов Илья чистил коня, называя его дружкой, Бурушкой, Бурушкой-Косматушкой. Конь фыркал, согласно кивал головой и тянулся к человеку, трогая мягкими губами его воротник и волосы.

Глава 3

– Здесь нам не пройти, – с сомнением покачала Златыгорка головой.

– А ты говорила, что знаешь, где живет Святогор.

– Никто не знает, где его дом. Святогор всегда оберегал границы от набегов кочевников отсюда и до Сурожского моря. Мне рассказывали с детства, как он появлялся – огромный, на огромном коне – и созывал к себе воинов, поднимал их навстречу подступавшим врагам. И за ним шли и отбивали врага. А потом Святогор снова уходил, и его долго никто потом не видел. Может, это просто народ о нем такие сказки сложил. Но он есть, я видела его. И моя мать его видела, она даже вместе с ним и с племенем касогов сражалась с иноземцами, пришедшими с юга.

– Давай доверимся Бурушке, – сняв рукавицу и похлопав своего коня по крутой шее, сказал Илья.

– Так он может найти только дорогу к своему дому, – возразила Златыгорка. – А найти кого-то в горах...

– А ты посмотри! – прервал ее Илья и совсем отпустил поводья.

Бурка потряс головой, понюхал воздух и неторопливо, как будто пробуя копытами землю впереди себя, двинулся вверх по тропе. Козья тропа была узкая, но конь шел по ней, как будто знал ее хорошо.

Девушка промолчала, потом тронула своего коня следом за Ильей. Долго и неторопливо ехали они между скалами, пробирались по краю обрыва, снова уходили в горы. Дважды конь вел их через мрачные пещеры, которые всегда заканчивались новым проходом и солнечным светом.

Когда солнце стало садиться, они, наконец, выехали на большое плато. Бурный ручей падал с горы, пенился, разбрасывая брызги, уходил по склону вниз, спеша к морю. А возле ручья под сенью старых высоких сосен стоял дом, сложенный из толстых почерневших бревен. Густые травы покрывали пространство от горной тропы до дальних скал. Здесь можно было пасти табун лошадей. Но какая-то невидимая печать уныния висела в воздухе.

Возле дома с черными окнами, на земле у коновязи лежало старое седло, на крюке висела сбруя. Златыгорка указала рукой. Сажень в двухстах от дома среди травы чернела туша коня. Спешившись, Илья снял с головы шлем, перекрестился и открыл тяжелую дубовую дверь.

Свет заходящего солнца протиснулся в дверной проем и упал на человека с длинной белой бородой. Он сидел, прислонившись спиной к стене, на лавке у дальней стены, под образами. Пыльное окно не пропускало света. Дверь открыла взору простые полаты с шерстяным одеялом, грубый стол с кувшином, очаг с большим котлом. Рядом с человеком на стене аккуратно были развешаны доспехи: бахтерец, ноговицы и наручи, шлем с бармицей. Прямо у ног лежал большой прямой меч в богато украшенных ножнах.

Илья вошел и замер у входа. Златыгорка стояла за его спиной и молчала. «Наверное, он уже умер», – подумал Илья. И конь его пал на лугу, а теперь и хозяин принял свою кончину, и никто не предал его земле. Глаза старца были закрыты, скулы обтягивала желтая кожа; старческие пальцы, в которых еще чувствовалась сила, сжимали лавку.

– Кто здесь? – раздался неожиданно сильный, чуть дребезжащий голос, и эхо раскатилось под потолком большого пустого дома. – Кто вошел ко мне? Ты ли, о ком было предсказано?

Златыгорка схватила Илью за локоть. Девушку, несмотря на всю ее храбрость, немного трясло. Илья похлопал ее по руке и шагнул вперед.

– Приветствую тебя, Святогор, – громко сказал Илья. – От земли Муромской, от Владимирской. Далеко слава о тебе долетела. Помнит тебя люд русский и почитает как защитника. А мое имя Илья, сын Иванов...

– Илья? – перебил Святогор. – Я ждал тебя. Кто с тобой пришел?

– Златыгорка, дочь царицы Самсун.

– Хорошо, поклон от меня передай матери, царевна. И сестрам своим. А ты, Илья, теперь меня слушай. Время мое истекает, земля сырая меня не отпускает больше. Твой черед беречь и оборонять земли русские. Ничего в этом доме не бери, ни к чему не прикасайся. Возьми только доспехи мои да шлем. Меча не касайся, не поднимать тебе его. И мои руки уже не могут его от земли оторвать.

Илья хотел было сказать, что силы Святогора покинули, потому и не может он меча поднять. Но говорить сейчас об этом великому старцу нельзя. И так он делает большой подарок.

– Ты, Илья, возьми сабельку мою, – продолжал Святогор, но голос его становился все тише и тише. – Эта сабля несколько дней ковалась из упавшей звезды, на заре она закалялась в степной росе, в парном молоке и горных ручьях. Оттого на клинке и узор розовый, как заря, полыхает. Сила в этой сабле великая, разит она без промаха и не тупится. Запомни, Илья, Иванов сын, не доставай той сабельки для пустой ссоры, для бесчестного дела. Только в бою она должна купаться в крови врага лютого, от того и железо тверже будет, и твоя сила множиться станет.

Святогор замолчал, продолжая сидеть, не меняя позы. Илье не было видно, открыты или закрыты глаза богатыря.

Вдруг качнулась земля под ногами – то ли дом пошатнулся, то ли горы. У Ильи внутри все похолодело. Казалось, что все происходящее ему снится или видится по какому-то неведомому волшебству.

– Поторопись! – громко сказал Святогор.

Илья тряхнул головой, сгоняя наваждение. И вот уже сидит перед ним костлявый старик, будто и не было великана. И лавка под ним не из дубовых стволов сделана, а старая, потрескавшаяся.

Стараясь не касаться Святогора, Илья снял со стены доспехи. Златыгорка приняла их и вынесла из дома. Илья вышел следом, положил подарок на траву и снова вернулся в дом. Входить было тяжело, ноги не слушались, как когда-то в детстве. Но он пересилил себя. Сабля в дорогих ножнах, украшенных камнями, серебряными да золотыми накладками, лежала на полатах. Он взял ее двумя руками, чуть вытянул клинок из ножен, и на его лице заиграли розовые сполохи. То ли железо светилось, то ли закатное солнце падало на полированный клинок.

И тут снова дрогнула земля. Илья пошатнулся, со стола на деревянный пол упал горшок, в очаге с грохотом опрокинулся котел, на улице заржали кони. Бурый ржал призывно и требовательно, как будто предупреждал. Святогор все так же молча сидел на лавке, прямо и неподвижно. Илья попятился назад к двери, не сводя глаз со старца.

В третий раз загрохотало вокруг. Зашатались стены. И в этом грохоте то ли померещилось Илье, то ли впрямь услышал он знакомый голос:

– Прими силу мою! Прощай...

Илья выбежал из дома. Златыгорка приторочила мешок с доспехами и запрыгнула в седло. Кони били копытами и храпели. Со скал катились камни, слышался подземный гул. Не сразу попав в стремя ногой, Илья взобрался на коня, перекинул через плечо перевязь сабли, и они понеслись к спуску.

Никогда Илья не видел, чтобы твердь земная так тряслась. Кони спотыкались, но их не нужно было подгонять. Они сами нашли дорогу вниз. Извилистая каменистая тропа то становилась шире, то превращалась в узкую полоску вытоптанной дикими козами земли. Камни катились, поднимали пыль, которая забивала горло. Несколько огромных валунов сорвались со скалы и пронеслись мимо, играя и подпрыгивая, словно детские игрушки.

Илья успел оглянуться и увидеть, как зашатался крепкий дом Святогора, как рассыпался он по бревнышку, и скалы, шатавшиеся и плясавшие вокруг пляску смерти, вдруг расступились

в том месте. Обломки Святогорова жилища, деревья, под которыми оно стояло, и даже труп коня – все ухнуло в разверзшуюся пропасть. Над провалом поднялся огромный столб пыли или дыма.

«Все, – подумал Илья, – земля Святогора не держала, как рассказывали старые люди, а теперь и горы его не смогли удержать. То-то он уже и на Русь приезжать перестал, все в своих горах жил, вдали. Прощай, Святогор. Какая-то из тайных пещер стала для тебя могилой».

– Ух и страху я натерпелась, Илья, – размазывая по щекам грязь, усмехнулась Златыгорка, когда они уже ехали по самому краю моря и кони омывали в соленой воде свои копыта. – Чего в жизни только не повидала, но такого! Бывало, и раньше трясло горы. Привычное это все, но чтобы вот так. Нет больше нашего Святогора! И куда он провалился теперь?

– Святые горы его породили, – тихо сказал Илья, – они же его и приняли. Вон, смотри, речушка какая-то струится. Поехали, смоешь с себя пыль и грязь. Негоже так принцессе возвращаться к своему племени.

Златыгорка попыталась улыбнуться, поймав на себе взгляд Ильи. Жуткий страх, одолевший ее, проходил быстро. Рядом с Ильей было надежно. Девушка не знала, как бы он мог ей помочь, если бы земля разверзлась прямо под их ногами. Но когда Илья был рядом, думалось, что такого просто не может случиться. Ведь, когда он спас Златыгорку от половцев, ей тоже все казалось безнадежным. Ан нет, появился Илья, и все стало хорошо.

Девушка снова поймала на себе взгляд Ильи. Раньше он на нее так не смотрел, а теперь смотрит совсем по-другому. И голос звучит не так, ласковее, что ли. Они подъехали к большому ручью, бившему из скалы, но вода в нем была грязная и мутная. Илья развел руками и тронул Бурку, направляя дальше вдоль берега. Конь потряс лохматой гривой, и вокруг поднялась туча пыли.

– Ничего, Бурка, – проговорил Илья, потрепав коня по холке. – Вот приедем, я тебя в студеной реке искупаю, расчесу твою гриву. Отдохнем, да и в путь тронемся. Дорога нам с тобой предстоит дальняя.

День клонился к закату. Вычищенный Бурка пофыркивал в стойле и тряс своей косматой гривой. Илья сидел на пороге дома и смотрел на небо. Последний ужин в доме царицы Самсун и ее дочери. Повелительница амазонок совсем плоха и не встает с постели уже несколько дней.

С моря потянуло холодом. Илья повел могучими плечами, встать не хотелось. Он думал о том, как двинется снова к Киеву, как предстанет перед князем Владимиром и скажет, что не по душе ему вражда, что растет между князьями, не по душе ему соперничество. Князь Владимир должен объединить Русь, как это сделал некогда его предок Владимир Красное Солнышко. Он принес на русскую землю истинную веру в единого бога, он объединил земли своих предков. И так тому и быть в будущем. И он, Илья из Муромских земель, хочет этому делу великому и правому служить.

Тихие шаги послышались за спиной, на плечи Ильи мягко опустилось шерстяное одеяло. Он обернулся, увидел Златыгорку и улыбнулся.

– Вот сию, – сказал он, – прощаюсь с вашими горами, воздухом вашим, в память свою хочу все это вобрать и сохранить. Увидимся ли когда теперь?

– А как соскучишься на своей княжьей службе, так и приедешь, – тихо засмеялась девушка.

– Нам не дано знать, как все сложится, какие пути-дорожки нам намечены, – ответил Илья, положив широкую ладонь на маленькую, но такую сильную руку Златыгорки.

– Да, ты только сердцем дорожку себе выбирай, Илья. Сердце оно надежнее путеводной звезды.

– Поедем со мной, – вдруг жарко заговорил Илья. – Оставь царство свое, ведь есть у вас кому царствовать, если тебе не судьба. Решайся! Будешь моей...

Девушка зажала Илье рот своей ладонью, не дав договорить. Сердце богатыря забилося от этого прикосновения гулко и горячо. Что-то новое, доселе неведомое шевельнулось в нем. Только теперь он понял, что это новое росло, крепло уже не один день. Росло и мучило его, потому что заставляло разрываться на части, спорить с собой. И вот сейчас это новое прорвалось наружу, как молодой листок прорывает липкую почку и вырывается навстречу горячему солнцу, душистой весне, звону ручьев и пению птиц.

Повинуясь рукам девушки, которые вдруг потянули его в дом, он пошел, не видя ничего вокруг. Он только чувствовал. И огромное волнение, и безумную нежность к Златыгорке, и бесконечную грусть. Чуть скрипнули половицы, распахнулась дверь, и приняла его в свои объятия темнота, наполненная таинственными запахами. А Златыгорка все тянула его и тянула. Вот горячие ладони сжали щеки Ильи. Губы ее оказались очень мягкими и душистыми.

Илья обнял девушку, прижал к себе и на миг отдался страстному желанию не отпускать ее вот так всю оставшуюся жизнь. С плеч соскользнуло платье, ладони обожгли нежные, чуть дрожащие девичьи плечи.

– Иди ко мне, – прошептала девушка, опускаясь на постель.

Проснулся Илья от ощущения беспокойства. Открыл глаза и не увидел ничего, кроме тесноты ночи. Только почувствовал, что близок рассвет, услышал тихое далекое ржание Бурки в загоне. И вдруг понял причину своего беспокойства. Рядом с ним не было Златыгорки.

Он провел рукой по подушке, не ощутив даже остатков ее тепла. А было ли все или приснилось? Было! Все было, но этот холодный рассвет стал гранью между прошлым и будущим. Как будто кончилась сказка. Так было и в детстве, когда он слушал сказки, что сказывала ему перед сном матушка, и так не хотелось, чтобы они заканчивались. Так было и потом, когда он до седьмого пота поднимал тяжести, собирая в кулак силушку. И когда падал от изнеможения, было жалко, что силы кончаются, что нужно отдохнуть.

Когда он оседлал коня, Златыгорка вынесла из дома кожаный мешок с хлебом, сушеным мясом и крупой в дорогу. Она заполнила переметные сумы, перебросила их через круп коня и стала закреплять на седле. Илья смотрел на нее и думал о разлуке, возможно, даже вечной.

– Пойдем, – коротко сказал он и вернулся в дом.

Его старые доспехи, в которых он приехал, лежали на лавке. Подняв меч в ножнах, Илья повернулся к Златыгорке. Медленно вытянув оружие из ножен, он полюбовался на выбитую вдоль клинка надпись «С нами бог». Потом с силой загнал меч обратно в ножны и положил на лавку поверх кольчуги.

– Сына назови Сокольников. Когда вырастет и сможет меч этот поднять, отдай ему и доспехи мои. Они мне от моего батюшки достались, а ему от своего. Говорено было, что проклятье на этом мече и на всех мужах нашего рода оттого, что дед этим мечом разрубил икону православную. Теперь, когда я на ноги стал, проклятья больше нет. Меч этот чист, он за доброе дело воевал, поганых разбойников карал, тебя от половцев спас. Пусть сыну моему послужит.

Почему он так сказал, Илья и сам не понял, как будто и не он это говорил, а кто-то другой. Сын? Да, Златыгорка обязательно родит ему сына. И пришлет, когда тот сможет удержать в руках отцовский меч. Вырастит она его воином первым и пришлет к своему батюшке. Она вырастит, она станет ему доброй матушкой.

Возы тянулись по дороге, увязая по оси в грязи. Конные норовили взять стороной, чтобы объехать глубокие лужи.

Илья остановил Бурку на опушке леса и стал смотреть на видневшиеся вдали стены Киева. Что он ожидал увидеть, Илья и сам не знал. Ворота из белого камня с башнями, высокие земляные валы, поверх которых вправо и влево уходили бревенчатые стены. За стенами много каменных домов. Про них Илье говорили, что это княжий город. А вокруг теснились деревянные постройки ремесленных и торговых слобод, поля, пастбища и снова селения. Муром,

казавшийся когда-то Илье большим городом, здесь потерялся бы, как маленький камешек среди скал. Оно и понятно, это Киев – мать городов русских.

Решительно пришпорив Бурку, Илья стал спускаться с холма. Он хотел поговорить с простым людом, узнать о житье в Киеве. И хорошо было бы спросить, где тут искать князя Владимира.

Илья спустился к дороге и поехал рядом с возчиками.

– Чего тебе? – хмуро глянул на Илью крайний из них, стегая со злостью заморенных понурых коней, тащивших груженную жердями телегу.

Илья окинул взором хмурого мужика и решил, что заводить душевных разговоров не стоит. Мужик всем недоволен, такой чего и нет расскажет, да еще и приукрасит. И пришпорил Бурку, поскакал дальше.

Впереди пастухи гнали небольшое стадо коров, потом ему встретились два воза сена. А потом Илья приметил у дороги под березкой троих. Щуплый седобородый старичок шел, положив руку на плечо пареньку в больших, не по росту, рваных портах. Следом плелся детина, ростом с самого Илью, осунувшийся, опустивший голову на грудь. Калики. И эти идут в Киев.

Поравнявшись со стариком, Илья натянул поводья.

– Здравствуй, старче, – громко сказал он. – И вам здравствуйте, люди добрые. Откуда и куда идете?

– Это кто же такой громогласный? – живо повернулся старик, сжав плечо мальчика, стало видно, что старик слеп.

– Ильей меня нарекли.

– Не тот ли Илья, что родом из Мурома из села Карачарова? – осведомился старик.

– Откуда ты меня знаешь? – удивился Илья.

– Слухом земля полнится, – улыбнулся старик сквозь жиденькую седую бороденку. – Ты Илья, сын Иванов. И батюшка твой Иван Тимофеевич. И не думали, не гадали твои родители, что поднимешься ты на ноженьки через тридцать лет и три года. Ан пошел, да как пошел!

– Откуда же... – хотел было спросить Илья, но промолчал, только сокрушенно покачал головой.

И чего расспрашивать, подумал он, люди по свету ходят, видно, кто на стругах по Дону да по Днепру, или на возах, так и помогли им сюда добраться. Почему же им в Киев не податься, пока я по горам да морям ходил? Вот и слухи дошли. Весточка с родной земли – это хорошо, а вот о князе и Киеве они мне не расскажут, сами тут гости незваные.

– Не о том ты, Илюша, горюешь, не о том мысли твои, – вдруг сказал старик и с помощью мальчонки опустил на сухой пенек и подпер подбородок суковатой палкой.

Детина уселся за его спиной прямо на траву и засопел, глядя себе под ноги. Мальчик-поводырь тут же принялся ловить в траве кузнечиков. Дите, оно всюду дите. Подумав немного, Илья перекинул ногу через седло и спрыгнул на землю. Бурка потряс гривой и пошел щипать траву, настороженно поглядывая то на Илью, то на его попутчиков, словно приглядываясь, нет ли от них какой опасности.

Что-то подсказывало Илье, что с каликами надо поговорить. С детства любил он слушать рассказы людей, что бродили по свету и разносили вести, быть и небыль.

– А о чем я думаю, старче? Неужто знаешь мои мысли? – весело спросил Илья.

– Мысли твои видны за версту. Да и нет ничего хитрого, коли все знают, что ты отправился служить одному князю, не хочешь распрей между князьями. И не ты один, много сильных воинов отправилось сюда. А сколько их еще будет!

– И все?

– Трудно тебе будет, Илюша, – покачал старик головой. – Ты в селе вырос, на приволье. Жизнь твоя бесхитростной была, спокойной. А куда ты идешь? Ты идешь, Илюша, к людям,

которые распоряжаются жизнями других. Многими тыщами распоряжаются. Им одна жизнь, как сережка березовая: с рукава смахнул и забыл.

Илья хотел ответить, что для того он и идет в Киев, чтобы не в усобицах участвовать, а единой Руси служить, под твердой рукой Киевского князя. Чтобы мир и благоденствие были повсюду. А для того и кровушку пролить не жалко. Надо и половцев усмирить, а где и князьям русским по рукам ударить. Но догадался, что старик не только об этом говорит.

– Перво-наперво, Илюша, гордыня в тебе проснется. Не будут тебя ровней считать. Так ты смирись и докажи, что уважение заслуживаешь. Но это беда – не беда. Тебя страшнее испытание ждет. Жестокость она от злости происходит. Не озлобись, Илья Иванович.

– Да, – задумчиво ответил Илья. – Это мне уже говорили. У меня не поднялась рука на раненого врага, на беспомощного. А мне сказали, что враг он всегда враг. Добрый я, старче, – с усмешкой добавил Илья, – напрасно ты переживаешь за меня.

– Не лежащий враг страшен. Враг страшен опасный. Научись отличать опасного от неопасного. Иной и с мечом не так опасен, как тот, кто лижет тебе сапоги. Да укусить, как аспид, может. Слушай сердце да добрых друзей.

– А как их завести, старче, друзей-то добрых? Друг он на дороге не валяется, не поднимешь его, как рукавицу оброненную.

– Ваяться не валяется, – улыбнулся старик, – это верно. Но в дороге друг заметнее, чем за княжым столом. Вон, помоги добрым людям, глядишь, и воздастся.

Илья обернулся туда, куда костлявым пальцем указал старик, и увидел, что в грязи застрял большой воз с кожами. Пара крепких лошадемок тужилась, натягивала постромки так, что те того и гляди лопнут. Два мужичка в лаптях, забрызганные грязью по самые бороды, ругались, стегали коней плетями, пытались провернуть колеса, воз только кренился и скрипел, но с места не двигался.

– А, ну-ка, православные, – гаркнул Илья громким голосом. – Дайте-ка я попробую!

Засучив рукава, Муромец решительно шагнул в грязь по самые колени. Возчики, смотревшие на него поначалу снисходительно, теперь с оторопью разглядывали мускулистые ручищи незнакомого воина. Илья подошел к телеге сзади, ухватился за ось и приподнял, толкая ее вперед. Испуганные кони от такого толчка забили копытами, стали рвать удила, выдергивая ноги из вязкой грязи. Один не удержался и упал на колени.

– Тише ты! Тише, окаанный! – закричали мужики, бросаясь на помощь. – Коней погубишь, идолище!

– Распрягать надо, – уверенно прогудел рядом сильный мужской голос. – Так не вытаскать.

Илья вытер тыльной стороной ладони лицо и обернулся. На краю дороги на красивом коне, подбоченясь, сидел статный плечистый воин с русой бородкой в дорогах крепких доспехах. Красный плащ был откинут в сторону, на бедре виднелись ножны меча. По всему угадывалось, что не простой это воин. Может, даже и дружинник княжеский.

– Оно с коня-то всегда советовать легче, – подмигнул ему Илья. – А не покажешь ли, молодец, как дело сделать?

– Ну, не замавав сапог, доброго дела не совершить, – засмеялся воин и, отстегнув плащ, легко спрыгнул с коня. – Давай, мужики, распускай постромки! Отводи коней в сторону, пока не зашибли.

Илья с довольным видом улыбался, уперев руки в бока. Незнакомец бросил плащ на седло, хлопнул коня по крутому крупу. Конь послушно отошел в сторону от дороги, потряхивая золотистой гривой. Бурка потянулся к нему мордой, оба фыркнули и остались стоять, поглядывая на дорогу.

Витязь смело вошел в дорожную жижу. Его короткие сапоги из мягкой телячьей кожи тут же залило грязью. Но молодец этого не замечал. Он помог возчикам разнуздать коней, и, когда тех отвели в сторону, встал у передка телеги и с вызовом посмотрел на Илью.

– Ну, как спор наш будем решать? По одному или вместе? – спросил он.

– Споры спорить будем или людям помогать? – тоже с вызовом ответил Илья. – Телегу вытаскивать надо, тут она совсем утопнет, кожи от воды попортятся.

– Ну, помогать так помогать, – кивнул воин.

Он ухватился за ось телеги, поднатужился так, что на шее вздулись вены, а лицо налилось кровью. Телега со скрипом приподнялась, и воин сдвинул ее рывком в сторону почти на локоть. Илья покачал головой. Настал его черед. Теперь он подхватил телегу, взялся поудобнее и приподнял ступицы колес над водой. Без рывка он опустил телегу, тоже сдвинув свой край почти на локоть в сторону.

– Видывал я силушку, – удивленно вскинул брови русобородый, – сам не из кислого теста сделан, но такого видывать еще не приходилось. А ну-ка, давай вдвоем, да на сухое место телегу и переставим!

– Нет, – возразил Илья. – Так мы ее опрокинем да все кожи в грязь мужичкам и вывалим. Давай уж, как взялись, так и продолжать. Я свой край, а ты свой.

Вскоре воз уже стоял на сухой земле. Качая головами и тихо переговариваясь, возчики снова запрягали коней. Илья опомнился и повернулся к пеньку, на котором недавно сидел старичок с поводырем и молчаливым спутником с худой котомкой за плечами. Никого не было ни на пеньке, ни рядом с ним, ни на дороге. Илья покрутил головой.

– Потерял чего? – со смехом спросил новый знакомый, отряхивая полы рубахи, торчавшей из-под кольчуги, и топая сапогами, сбивая с них комья грязи.

– Старичок тут сидел.

– Какой старичок? Я не видел.

Илья задумался, покусывая губу. Чудеса да и только. Ведь вот только что говорили, малец его в траве кузнечиков гонял, да и на воз он Илье указал. Про дружбу, которая грязи не боится, говаривал. Чудно. Илья посмотрел на воина, потом протянул ему руку.

– Как зовут-величают тебя? Откуда ты с такой силушкой явился, из каких земель?

– Да считай, что здешний я, – улыбнулся воин и крепко пожал руку Ильи. – Из Чернигова я. А зовут меня Сила, по отцу Михайлов. А здесь вот Чеботком прозвали. А ты кто будешь?

– Ильей меня зовут. Иванов сын из Муром, из села Карачарова.

– Силен ты, Илья муромский, – засмеялся Сила. – У вас там все такие, что возы груженные поднимают?

– И ты силушкой не обижен, подивился я на тебя, – покивал в ответ Илья. – Ты никак из воинов будешь, не из дружины ли княжеской?

– Так и есть. А ты по какой надобности в Киев едешь?

Илья и Сила сидели под навесом распаренные, с мокрыми бородами, вытирались льняными рушниками. Попивали после жаркой баньки ягодный и хлебный квас. Илья неохотно рассказывал о себе. Ему интереснее было узнать о князе Владимире, о Киеве, о службе, о степняках и битвах. Сила взялся сам свести Илью завтра на княжеский двор, когда приведут в порядок одежду и доспехи. А главное, когда благодарные сапожники принесут готовые сапоги.

Рассказывал Илья о себе без охоты, но понимал, что рассказывать надо. Ведь Сила собрался поручиться за него перед воеводой да перед самим князем. Не стал он говорить о детстве, о том, как рос и готовил себя к будущим битвам за русскую землю. Не стал он говорить и о Святогоре.

– Приходилось тебе биться? – задал Сила, наконец, главный вопрос. – Знаешь ли, что такое с врагом лицом к лицу встретиться?

– Как не знать, – Илья пожал плечами. – Пока сюда ехал, вон баб довелось из полона освободить. Встретил половцев, что вели их на юг, на базары невольничьи. Совладал с божьей помощью. А раньше? Учился владеть оружием пешим да на коне. Были у нас воины сильные да умелые, было у кого поучиться. Довелось и в бою бывать. Ватаги разбойничьи в лесах поживы ищут, тати пощады никому не дают, как волки рыщут. И с половцами сталкивался. Видывал, как они набегами на землю нашу тешатся. И с половцами тоже бился. А в Киев я поехал, когда понял, что обучился ратному делу, что готов послужить князю и родителей своих не посрамить. Сила Михайлович, расскажи, как служится у князя.

– Служится, не тужится, – улыбнулся дружинник. – Тревожное время, Илья, настает. Князья не хотят жить сообща, каждый хочет свое главенство показать. А степнякам того и надо, они готовы русскую землю на части разорвать. Оттого и в стговор с другими князьями нороят вступить, и сами без всяких стговоров нападают. А на юге византийские цари грозят. Дальше за великими горами, за Русским морем, за пустынями сухими новая сила зреет. Говорят, их и хазары, и византийцы боятся.

– А что князь?

– Князю сейчас со своими бы управиться, – махнул рукой Сила. – Он ведь в Киев пришел не на готовенькое, не просто так сел княжить. Тут народ разный был, кое-кто поднялся и за топоры. Пришлось и своих усмирять, и чужих задабривать. А Владимир силен, он может силу показать, ты не сомневайся. Другое дело, советчиков вокруг него много. А когда много, так ухо держи востро. Каждый в свою сторону тянет. Кабы не наши мечи да копья, не усидеть Владимиру на княжении в Киеве. А тут еще и в своих землях не чисто. Ты думаешь, только в муромских лесах шалют разбойные ватаги? И тут беспокойно. Кто собирает рать да большими силами через опасные леса идет, тем ущерба нет, а вот кто по недомыслию или по жадности один там показывается, тому головы не сносить: разденут, разуют, а то и вовсе убьют.

– Так надо шайки эти перебить, вожаков изловить да при всем честном народе суду предать. Народ видеть должен, что князь не только с врагами из других земель справляется, но и у себя дома за народ радуется.

– Разве ж всех перебеешь да переловишь. Вон разбойная ватага Соловья, всего в тридцати верстах от Киева, а поди излови его. У него во всей округе свои глаза да уши. Мы дружину посылаем, а он уже знает. Мы еще со двора княжьего не выступили, а он уже свою ватагу по дальним лесам распылил. Поди разберись, кто там – добрый пасечник или бортник ⁷, а кто разбойник. Мы, может, и его самого много раз в глаза видели, только за руку не пойман, стало быть, не вор.

– Так тут хитростью надо, – покачал Илья головой. – Не прост, видать, этот Соловей. Не силой его брать нужно.

– Ну, не нам это с тобой придумывать, Илья. На то у нас воеводы есть да сотники удалые. Да старые дружинники, кого князь слушает, с кем советы держит.

Утром, когда они поднялись на заре, Илья сразу вспомнил о вчерашнем разговоре с Силой. Еще глаз не открыл, как услышал соловьиное пение. Хорошо заливался соловушка, сразу Илье вспомнились свои родные муромские леса. Сад батюшкин под окном, в котором так же вот соловьи пели. Кто бы знал, что вот так вот придется узнать, что соловьиным пением разбойники ватагу сзывают, на путника богатого указывают.

Илья ехал на Бурке рядом с Силой, похлопывая коня по шее, любуясь расчесанной густой гривой. А у Силы Чеботка и конь под стать хозяину. Как у самого Силы волосы русые, так и у коня грива отликает чистым золотом. Струится и на ветру развеивается. Хозяин называл свою

⁷ Бортничество – сбор меда диких пчел. Позднее и разведение пчел в дуплах деревьев.

кобылку Златкой и вчера хвалился, сколько она его в битвах выручала, как раненого с поля боя выносила.

Пока всадники ехали к стенами княжьего города, встречный люд не сводил с них глаз. На что уж Сила Чеботок статен да силен, но рядом с ним Илья выглядел настоящим великаном. И конь его бурый с косматой гривой и сильными ногами тоже выглядел устрашающе. Илья посматривал на людей, посмеивался в бороду. Дай бог, чтобы и князь Владимир тоже его встретил по добру, как встречали киевляне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.